

В словарной статье *ṣāḍā*, судя по нашим материалам, объединены две различные группы слов: *wāḍā(c')* «вести»; *wāḍā(c')* 1) «вырастить», «выкормить», «воспитать», 2) «развести» — с различными производными формами.

Не всегда выделено по единому принципу ведущее слово в гнезде. Например, в качестве основного слова в гнезде *jārā* «положить на бок», *jār'ā* «быть на боку» и пр. выделено слово *jār'ā* «бок», «сторона», а в гнезде *jārāḡā* «плакса», *jārāḡā* «довести до слез», *jārāḡāḡā* «с плачем» и пр. — *jār'ā* «плакать» при наличии слова *jār* «плача».

Нам представляется не вполне ясной система, по которой даются производные слова: в некоторых гнездах представлено значительное количество производных слов. Для других, не менее богатых по возможностям однокоренных образований слов, производные слова даются очень ограниченно или не даются вовсе. Например, в словарном гнезде *jāḡā* «счастье», «удача» дано только три однокоренных слова: *jāḡāḡā* «счастливый», *jār'āḡā* «несчастный», *jāḡāḡāḡā* «счастливей». В речи число слов с этим корнем неизмеримо больше: *jāḡāḡāḡā* «стать несчастным», *jāḡāḡāḡā(c')* «сделать несчастным», *jāḡā* «счастливо», *jāḡāḡā(c')* «осчастливить», «сделать счастливым», *jāḡā* «иметь счастье», «пользоваться счастьем», *jāḡā* «счастливый», «счастливей» и др.

Сам отбор производных слов всецело обуславливается, по-видимому, имеющимися материалами: в одних гнездах даются одни словообразовательные формы, в других — другие.

В отдельных случаях вызывает сомнение принцип выделения самостоятельных слов. Так, например, на стр. 122 в качестве заглавного слова гнезда дано *jī* «бедный», «вызывающий сожаление». Судя по приведенным примерам, речь идет, как нам представляется, об одном из суффиксов субъективной оценки — сожальтельном суффиксе *-je (-ju)* [ср., например, *nydar* «ты» и *nydjer* «ты бедняга», *nydara* «вы (многие)» и *nydjera* «вы (многие) бедняги» и др.]. В эту же словарную статью включены такие самостоятельные слова, как *jēḡāḡā* «сирота», *jēḡāḡāḡā* «стать сиротой», *jēḡāḡāḡā* «оставить сиротой».

Приходится сожалеть, что сложность принятой транскрипции, а также некоторые особенности построения словаря ограничивают круг возможного его использования и затрудняют, по нашему мнению, в ряде случаев нахождение нужного слова.

Работа по составлению словаря такого лексикологически почти совершенно не изученного языка, каким является ненецкий язык, очень сложна и чрезвычайно трудоемка. Составитель не может здесь опираться на уже имеющийся опыт, а должен сам ставить и разрешать все вопросы лексикографии, пытаться решать вместе с тем и основные вопросы лексикологии. Большая заслуга проф. Т. Лехтисало состоит в том, что он один из первых взялся за эту работу, соответствующим образом обобщил имеющиеся в его распоряжении богатые материалы и создал серьезный научный труд, который является значительным вкладом в исследование далеко недостаточно еще изученного ненецкого языка.

Выход в свет труда проф. Т. Лехтисало следует всячески приветствовать.

Н. М. Терещенко

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В работе «Оплатив в функции прошедшего времени в хорезмийском языке»¹ польский ученый З. Рысевич, ссылаясь на работу пишущего эти строки «Образование прошедшего времени в хорезмийском языке» («Уч. зап. [ЛГУ]», № 60, Серия филол. наук, вып. 6, 1940), повторенную затем в книге «Хорезмийский язык» (I, М.—Л., 1951), приводит содержащиеся в ней данные в подтверждение известной уже в науке роли оплатива в ряде индоевропейских языков в образовании прошедшего времени.

Из большого числа приведенных Рысевичем работ, посвященных вопросу об отношении оплатива к прошедшему времени, наиболее существенное значение имеет одна из последних работ Э. Бенвениста «Претерит и оплатив в индоевропейском» (E. Benveniste, Prétérit et optatif en indo-européen, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. XLVIII, fasc. 1, 1951, стр. 11—20).

С талантом, присущим этому выдающемуся языковеду, он вскрывает вероитный генезис сближения, смещения функций претерита и оплатива. Этому сближению со-

¹ Z. Rysiewicz, Optativus w funkcji czasu przeszłego w chorezmijskim, «Biul. Polsk. t-wa językznawczego», zesz. XIII, Kraków, 1954, стр. 93—98.

действовали два момента: 1) претерит и опатив одинаково характеризовались вторичными окончаниями и 2) вторым моментом, облегчавшим это сближение, было постепенное исчезновение претеритальных форм.

Естественно, поэтому, что это сближение, замена наилучшим образом прослеживается в иранских языках, где старые претериты или их обычные функции начинают стираться еще в древности и опатив постепенно и заблаговременно становится заместителем этих претеритальных форм.

Бенвенист приводит в указанной работе в подтверждение своего тезиса примеры из ряда иранских языков вплоть до современных восточноиранских языков, за исключением хорезмийского, грамматическое освещение которого было ему, по-видимому, в 1951 г. еще неизвестно.

Этот пробел заполняется Рысевичем, который в рецензируемой здесь работе об опативе в функции прошедшего времени в хорезмийском привел необходимые данные, характеризующие эти формы, вплоть до парадигмы, ссылаясь на указанную выше работу советского ученого.

А. А. Фрейман